

хорошего, более того — вызвали страдание. А если в сердце просыпается страдание, то оно влечет за собой процессы слома, перерождения, возникает внутренний источник движения. Сначала это растравление, терзание себя носило неосвещенный мыслью характер, было в нем что-то животное — «бестияльно» упившись, они «расползались по своим логовищам». Состояние обвинений, возмущений, страданий могло так и остаться с героями до конца их дней. Но ощущение боли возымело на душу Иудушки неожиданное действие: вывело ее из неподвижного состояния. «Естественным последствием этого был не то испуг, не то пробуждение совести, скорее даже последнее, нежели первое» (13, 256). Эта мысль Щедрина знаменательна. В ней жалость и прощение в конце концов, в ней надежда на выход. (Уже в самом построении фразы видится сожаление к Иудушке и усложнение его образа.) В пробуждении совести не отказывается никому, а идея Совести существует повсюду и всегда. (Щедрин очень сдержан, рассуждая о своих героях; вслед за этими словами следуют рассуждения объяснительные, подчеркнута бесстрастность.) Пробуждение совести рождает новую боль, потому что приоткрывает человеку изломанному, душевно бесплодному и бессильному суть его жизни. Появляется тема, повторившаяся в сказке «Пропала совесть» — жалкий пройца изнемогает от страданий, когда пробуждается совесть. «Каменный мешок», «агония раскаяния» становятся уделом такого человека. Если для жалкого пройцы делается скидка на жестокую жизнь, в значительной степени повинную в его падении, то, рассказывая об Иудушке, Щедрин сосредоточивает все внимание на самом Иудушке, как носителе уродливого внутреннего мира. Совесть и страдания, доставляемые ею, сначала открыли глаза Иудушке на то, что он виновник «умертвий» и «увечий». Затем терзающая совесть дала Иудушке новое прозрение — ужасную правду: «Вот он состарился, одичал, одной ногой в могиле стоит, а нет на свете существа, которое приблизилось бы к нему, „пожалело“ бы его» (13, 257). Но язвы его были растравлены, и именно бесплодность самобичеваний и угрызений совести заставляла его бесконечно беречь их. Причастность ко многим смертям подготовила Иудушку к мысли о саморазрушении. Бесплодность проснувшейся совести выразилась в этом со всей полнотой. Тяжелая и темная мысль постепенно охватывала все существо Иудушки. Смерть — единственное, чего может желать человек, жизнь которого наполнена непрекращающимся, беспросветным страданием, который даже не может забыться; так ограниченно, неподвижно его существование. Иудушке посылается это избавление, его здоровье пошатнулось; головлевская болезнь чахотка, «специальное головлевское отравление», незаметно подкралась к нему. Начинается двойная агония, нравственная и физическая. Физическое умирание не только свидетельствует о жизненной неполноценности Иудушки, как и всех Головлевых, болезненные страдания готовят особое нравственное состояние — осознание ненужности своей жизни и видение в смерти необходимости. Даже состояние, когда агония растягивается, когда «организм устойчивостью своей мстил за старые умирания», необходимо при описании конца Иудушки не столько для создания яркой картины затянувшегося умирания отвратительного существа, сколько для подготовки этого существа к особому нравственному состоянию, усугубленному и внешними причинами. Агонизирование внешнее и внутреннее уже не уравниваются, душевное состояние героя позволяет ожидать, что еще должно произойти нечто. Желание саморазрушения, «святищейся точки во мгле будущего», стало возможностью для души Иудушки соприкосновения с Правдой, стало возможностью превращения Иудушки в Порфирия Головлева.

«Дело было в исходе марта, и страстная неделя подходила к концу» (13, 258) — так начинает Щедрин новые для повествования о Головлевых страницы. Все, что произойдет с последними представителями рода Головлевых, совершится накануне пасхи, праздника страстей господних и вос-